

Костокрызов П.И.

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ

Аннотация: Латинская Америка остается одним из наиболее криминализованных регионов мира. В то же время государства региона обладают опытом успешного противодействия преступности. Предметом исследования является деятельность общественных институтов стран Латинской Америки по контролю над преступностью. На примере Гватемалы, Колумбии и Перу анализируется опыт борьбы латиноамериканского общества с преступностью в условиях слабости правоохранительного аппарата государства. Рассматриваются подходы властей латиноамериканских стран к общественным институтам противодействия преступности, показана эволюция этих подходов в конце XX – начале XXI вв. Использован системный подход, а также обще- и частнонаучные методы познания, прежде всего, сравнительно-правовой и исторический. Показаны различные формы ответа гражданского общества на вызовы, связанные с внутренними вооруженными конфликтами и ростом криминала. Делаются выводы о важности социальной организации в условиях слабости государственных институтов; о том, что оптимальной формой такой организации являются общины; о необходимости для государства опоры на общественные силы для проведения успешной уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: Уголовно-правовая политика, обеспечение правопорядка, противодействие преступности, борьба с преступностью, общество и государство, община, общинная юстиция, правовой плюрализм, Латинская Америка, внутренний вооруженный конфликт.

Abstract: Latin America remains one of the most criminalized regions of the world. At the same time, the states of the regions possess a vast experience in successfully counteracting crime. The subject of this research is the work of the public institutions of the Latin American countries on control over crime. On the examples of Guatemala, Columbia, and Peru the author analyzes the experience of the fight of the Latin American society against crime in the conditions of weakness of the law enforcement apparatus of the respective countries. This work explores the approaches of the Latin American authorities towards public institutions of crime prevention and demonstrates the evolution of these approaches towards the end of the XX and beginning of the XXI centuries. The author elucidates the various forms of answers of the civil society towards the challenges related to domestic armed conflicts and growth in crime. The author makes conclusions on the importance of the social organization in the condition of the weakness of state institutions; on the fact that the optimal form of such organizations is communities; on the need of state to rely on public strength for conducting a successful criminal law policy.

Keywords: Criminal law policy, Ensuring order, Crime counteraction, Fight against crime, Society and state, Community, Communal justice, Legal pluralism, Latin America, Domestic armed conflict.

Охрана правопорядка и, в частности, борьба с преступностью – одна из важнейших функций государства. Вместе с тем, это и одна из тех его функций, в осуществлении которых в наибольшей степени заинтересовано общество, выполнения которых оно ждет от публичной власти в первую очередь. Общество, со своей стороны, как правило, готово оказывать поддержку власти в борьбе с преступностью. В зависимости от конкретных социально-экономических, политических и иных обстоятельств, эта

поддержка может принимать различные формы. При нормально функционирующей правоохранительной системе государства, как правило, бывает достаточным минимальное вовлечение граждан в этот процесс в виде информирования полиции о совершающихся или готовящихся правонарушениях и добросовестного участия в следственных действиях в качестве свидетелей, понятых и т. д. Чем слабее соответствующие органы государственного аппарата, тем больше усилий по охране правопорядка требуется от общества.

Возможна и ситуация, когда общество оказывается фактически один на один с преступностью и вынуждено полностью брать на себя бремя борьбы с нею. Это происходит в некоторых развивающихся странах, в том числе латиноамериканских, и в наибольшей степени характерно для тех из них, которые принято относить к так называемым *failing states* – деградирующим или не справляющимся со своими функциями государствам. Ещё в конце XX – начале XXI веков в Латинской Америке таковыми считались, например, Колумбия и Гватемала, раздираемые внутренними вооруженными конфликтами.

Среди прочих проблем, характерных для этой категории стран, выделяются экстремально высокий уровень преступности и распространенность насилия в обществе в целом. Слабость государства проявляется в том, что оно неспособно эффективно контролировать всю национальную территорию, во многих населенных пунктах отсутствуют какие-либо институты публичной власти. Значительные группы населения оказываются практически лишены доступа к правосудию и необходимой защите своих прав и законных интересов со стороны правоохранительных органов государства.

Жизнеспособность социума в этих условиях определяется тем, может ли он самоорганизоваться для самостоятельного решения проблем, которые в нормальной ситуации призвано решать государство, в том числе, и для эффективной борьбы с преступностью. Выживаемость государства, в свою очередь, зависит от того, способно ли оно опереться на общественные силы, сделать их своими союзниками в решении национальных задач. События, происходящие в латиноамериканских странах в последние десятилетия, дают богатый эмпирический материал для анализа различных моделей взаимодействия гражданского общества и государства в сфере борьбы с преступностью и позволяют сделать определенные выводы. Мы выбрали в качестве объекта рассмотрения три страны региона – Гватемалу, Колумбию и Перу. Между ними есть как сходства, так и весьма показательные отличия. Все они в недавнем прошлом (а Колумбия и в настоящее время) переживали внутренние вооруженные конфликты, все находятся в зоне массового производства и/или транзита наркотиков, во всех трех существуют устойчивые традиции борьбы с преступностью силами общинных институтов.

Колумбия на рубеже XX и XXI веков являла собой яркий пример *failed state* – «несостоявшегося государства»: высокий уровень преступности – в 1997 г. совершалось 89,5 убийств на каждые 100 000 жителей [25]; могущество наркокартелей, контролировавших

целые города, и слабость и коррумпированность государственного аппарата; длящаяся десятилетиями гражданская война. В несколько лучшем положении находилась Гватемала, внутренний конфликт в которой закончился в 1996 г., что привело к закономерному снижению уровня преступности, в частности, количество убийств на 100 000 жителей снизилось между 1996 и 1999 гг. в 1,5 раза – с 37 до 24 [10]. Самой благополучной ситуацией с контролем над преступностью была в Перу – несмотря на продолжающуюся партизанскую войну, которую вела с правительственными войсками левая террористическая группировка «Сендеро Луминосо», уровень убийств в 90-е годы здесь оставался одним из самых низких в регионе: во второй половине десятилетия он колебался между 12,5 и 10 случаями на 100 000 жителей [24].

Каково же положение с преступностью в этих трех странах сейчас? Наибольшую стабильность демонстрирует Перу: уровень преступности почти не изменился, а вооруженный конфликт практически сошел на нет. Существенного прогресса достигла Колумбия: большинство незаконных вооруженных формирований прекратило борьбу и разоружилось, правительство уверенно контролирует большую часть территории, крупнейшие синдикаты наркомафии разгромлены, уровень преступности заметно снизился (так, число убийств в 2011 г. составляло 31,4 на 100 000 жителей [16], т. е., почти в три раза меньше, чем в 1997 г.). Всё это сопровождается экономическим ростом и повышением качества жизни населения. Совсем иная картина в Гватемале: послевоенное снижение преступности сменилось в 1999 г. быстрым ростом. Уровень убийств к 2006 г. достиг максимальной отметки в 47 случаев на 100 000 жителей и лишь после 2009 г. стал медленно снижаться, составив в 2011 г. 38,5 случаев на 100 000 жителей, что всё же на 1,5 пункта выше худшего показателя за годы конфликта [10]. Таким образом, мирное время оказалось для страны даже более «убийственным», чем период гражданской войны. И хотя разница в абсолютных цифрах между Гватемалой и Колумбией не так велика, разнонаправленная динамика впечатляет и нуждается в объяснении.

Одним из факторов (хотя, разумеется, не единственным), обусловивших такое развитие событий в рассматриваемых странах, стала проводимая с разным успехом политика опоры государственной власти на структуры гражданского общества, в том числе, и в сфере борьбы с преступностью. Такими структурами в латиноамериканских социумах являются прежде всего и главным образом общины, благодаря сохранению которых общества в этих странах в высокой

степени структурированы, способны к самоорганизации и социальной мобилизации на локальном уровне. Осознавая слабость своего аппарата, государства региона прибегли к помощи общинных институтов в деле укрепления правопорядка. Раньше других на этот путь встали власти Перу.

29 декабря 1976 г. жители общины Куйумалька департамента Кахамарка на севере Перу собрались, чтобы обсудить меры по борьбе с преступностью в районе. Крестьянам особенно досаждали участвовавшие случаи угона скота и хищения имущества сельской школы (очередное ограбление которой и стало непосредственным поводом для собрания). В результате обсуждения было решено организовать силами местных жителей ночное патрулирование территории общины [15, р. 69; 17].

Так родились «рондас кампесинас» (*исп.* *gondas campesinas* – сельские патрули) – крестьянские отряды самообороны, которые быстро распространились по всей Кахамарке, а затем и по другим департаментам северной части Перу. Они продемонстрировали высокую эффективность в борьбе не только с угоном скота – этим бичом крестьянского хозяйства – но и с другими видами преступлений, в том числе, такими особо опасными, как убийства, изнасилования, похищения людей. Скоро рондас взяли на себя и функции разрешения разного рода внутриобщинных конфликтов – семейных, соседских, связанных с разграничением и использованием земельных участков и т. д., став таким образом полноценными органами общинной юстиции [17; 19; 20]. Причем в тех местностях, где общины к этому времени уже перестали существовать, деятельность рондас привела к их фактическому возрождению, а роль институтов общинного управления стали играть руководящие органы самих «сельских патрулей» [17; 6].

Но власти страны заинтересовал другой «побочный эффект» деятельности движения рондас кампесинас. Когда в начале 1980-х гг. в Перу развернула партизанскую войну против правительства маоистская группировка «Сендеро Луминосо», быстро выяснилось, что районы присутствия рондас оказались практически закрытыми для сендеристов. Попытки партизан перенести герилью из центральных департаментов страны, где она началась, в северные натолкнулись на решительное сопротивление крестьянской самообороны. Перуанское военное руководство решило способствовать распространению этого опыта на центральный регион страны, в наибольшей степени затронутый герильей. С этой целью оно способствовало созданию сельскими жителями патрулей, главной задачей которых, в отличие от ранее возникших ана-

логов, было противостояние незаконным вооруженным формированиям «Сендеро Луминосо» и лишь во вторую очередь – общеуголовной преступности [16; 20; 27]. Такая политика принесла положительный эффект: герилья была разгромлена и в настоящее время практически сошла на нет, уровень бытовой преступности также удается держать под контролем.

В настоящее время рондас кампесинас продолжают играть важную роль в правоохранительной системе Перу. Их судебные полномочия закреплены в действующей Конституции страны 1993 г.: «Органы власти сельских и коренных общин, при поддержке сельских патрулей могут осуществлять судебные функции в пределах своей территории в соответствии с обычным правом, при этом они не должны нарушать основных прав человека». [8, Ст. 149]

В Гватемале, где гражданская война шла с 1960 г., военные в начале 80-х гг. также прибегли к помощи гражданского населения в антипартизанской борьбе. Но в отличие от Перу, где инициатива самоорганизации принадлежала населению, «патрули гражданской самообороны» в Гватемале создавались армией в принудительном порядке и полностью подчинялись армейскому командованию. Участие в «самообороне» было обязательным для жителей районов страны, охваченных гражданской войной. Фактически это был механизм насильственной мобилизации населения для участия в операциях вооруженных сил против партизан, а общины (не по своей воле) служили «приводными ремнями» этой мобилизационной машины. Попытки отказа от «патрулирования» пресекались жестокими репрессиями, а отряды «самообороны» использовались не только для отражения нападения партизан на деревни, но и для проведения под руководством военных карательных акций против населения других деревень, подозреваемых в сочувствии герилье [10]. В итоге деятельность «патрулей гражданской самообороны» способствовала не умиротворению, а углублению гражданского конфликта и усугублению гуманитарной катастрофы в Гватемале, увеличению числа жертв среди мирного населения и насильственному вовлечению большого числа лиц в совершение преступлений. После прекращения гражданской войны она получила негативную оценку в ходе деятельности комиссий по примирению [5, pp. 111-117].

Как уже было сказано выше, трехлетний послевоенный период снижения преступности сменился её ростом, и сейчас Гватемала является одной из самых опасных стран региона. Как и в других латиноамериканских странах, в Гватемале признаны традиционные органы правосудия коренных народов.

Но трагический опыт гражданской войны оставил «в наследство» стойкое разобщение между государством и сельскими общинами, в первую очередь, индейскими, поэтому наладить сотрудничество официальной правоохранительной системы и органов общинной юстиции пока не удалось. Свидетельством недоверия населения полиции и судам является распространение такого вида преступлений, как линчевание (*исп. linchamiento*) – т.е., бессудная расправа толпы над подозреваемым в правонарушении. Это явление характерно для многих латиноамериканских стран, но Гватемала выделяется на общем фоне частотой случаев такого рода. Итак, приходится констатировать, что сотрудничество общества и государства в борьбе с преступностью в Гватемале пока не сложилось.

Прежде чем перейти к анализу колумбийской модели общественно-государственного взаимодействия в этом вопросе, необходимо сказать несколько слов о характере внутреннего вооружённого конфликта, который вот уже почти полвека остаётся фоном идущих в стране политических процессов. Кроме центрального правительства, в нём участвуют незаконные вооружённые формирования двух типов: партизанские группировки левацкого толка и правые «силы самообороны», более известные как «парамилитарес» (*исп. paramilitares* – военизированные, полувоенные). Первоначально создававшиеся для оказания помощи правительственным войскам в борьбе с партизанами, они с 1980-х гг. вышли из-под контроля и превратились в самостоятельную, третью сторону конфликта.

Начало первому этапу сотрудничества государства и общества в борьбе с преступностью положило издание президентом С. Гавириа Декрета № 356 от 11 февраля 1994 г. [11]. Декрет предусматривал возможность создания негосударственных служб безопасности двух типов: 1) предприятий или отделов частной охраны и безопасности и 2) кооперативов охраны и безопасности – по сути, народной милиции, которая должна была взять на себя защиту населённых пунктов, прежде всего, в сельской местности, от нападений партизан и «парамилитарес». В 1995 г. эти организации самообороны получили название «КОНВИВИР» (*исп. convivir* – сосуществовать). Строго говоря, это наименование относилось только к службам безопасности первого типа, на что позднее указал Конституционный суд Колумбии в постановлении от 07.11.1997, но и в обиходном словоупотреблении, и даже в некоторых нормативно-правовых актах оно было распространено также на кооперативы охраны и безопасности.

Государство, таким образом, признало своё бессилие в борьбе с мятежниками и уголовной преступ-

ностью, подав обществу недвусмысленный сигнал: «спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

К концу 1997 г. в стране насчитывалось, по приблизительной оценке, более 400 групп КОНВИВИР, в состав которых входило около 120 тыс. бойцов [25]. Имея вооружение и снаряжение армейского образца, вплоть до миномётов, они представляли собой значительную силу и оказывали существенную поддержку правительственным войскам в антипартизанской борьбе.

Однако, деятельность КОНВИВИР сразу же стала предметом острых споров в колумбийской политике. С одной стороны, они защищали гражданское население от атак партизан и оказывали помощь армии, снабжая её разведывательной информацией и принимая непосредственное участие в боевых действиях. С другой стороны, правозащитные организации подвергли их резкой критике, обвиняя в многочисленных нарушениях прав человека в отношении настоящих или мнимых сторонников партизан [14].

Некоторые из критиков объявили их легальным прикрытием парамилитарных групп, называя КОНВИВИР «вторым поколением парамилитаризма». Эти обвинения нельзя назвать беспочвенными: есть немало свидетельств о связи КОНВИВИР и «парамилитарес», в том числе, от непосредственных участников тех и других [23]. Возможно, власти Колумбии сознательно шли на риск проникновения участников ультраправых незаконных вооружённых формирований в ряды КОНВИВИР, рассчитывая таким образом «приручить» «парамилитарес», поставить их действия под правовой контроль.

Не были едины в оценке роли КОНВИВИР и официальные лица. Некоторые представители властей видели в них лишний элемент, ухудшающий управляемость государственной системы. Но нашлись среди государственных деятелей и горячие сторонники КОНВИВИР. Наиболее известный из них – тогдашний губернатор департамента Антиокия, а позднее президент Колумбии, Альваро Урибе – поддержал создание кооперативов охраны и безопасности, которых в его департаменте насчитывалось от 60 до 70. Свою позицию он не изменил и годы спустя, заявив в одном из интервью, что КОНВИВИР представляли собой «организованную и транспарентную форму содействия вооружённым силам со стороны гражданского населения» [12].

В 1997 г. в Конституционный суд Колумбии был подан иск о неконституционности ряда положений Декрета № 356. В своём решении суд постановил, что само существование групп КОНВИВИР (как охранных предприятий, так и кооперативов безопасности) не противоречит Конституции, так как

является воплощением обязанности общественной солидарности и права на коллективную самооборону. «Оказание помощи властям – право и обязанность каждого лица, проживающего в Колумбии. Прочный мир может основываться только на почитании Конституции и уважении и подчинении законам и властям», – констатировал Суд. Вместе с тем Суд признал противоречащим Конституции право негосударственных охранных организаций владеть теми видами оружия, использование которых разрешено законодательством Колумбии исключительно вооружённым силам или ограничено [9].

Это решение стало началом конца КОНВИВИР: в середине 1998 г. руководство национальной федерации КОНВИВИР приняло решение о разоружении и роспуске большинства формирований, а весной 1999 г. президент А. Пастрана приказал ликвидировать остальные [23; 26]. Официально КОНВИВИР прекратили существование, но фактически некоторые группы, отказавшиеся сдавать запрещенное вооружение и лишённые за это государственных лицензий, сохранились, перейдя на нелегальное положение и став фактически частью «парамилитарес».

Последующие события показали, что, несмотря на все предъявлявшиеся к ним претензии, КОНВИВИР играли в целом позитивную роль в борьбе с преступностью, как политической, так и уголовной: в годы активности КОНВИВИР (1997 – 1998) уровень преступности в Колумбии снизился, а в течение первых четырех лет после их ликвидации был зафиксирован её значительный рост [1, 6]. Эту тенденцию удалось переломить лишь в 2003 г.

В некоторых колумбийских общинах возникли и институты «общинной полиции», подобные перуанским рондас кампесинас. Самый известный пример – самооборона индейцев наса, живущих в департаменте Каука на юго-западе страны. Этот регион долгое время был (и в определенной степени остается) не только театром военных действий между правительственными войсками, «парамилитарес» и партизанами, но также территорией, на которой разворачивался конфликт из-за земли между латифундистами и индейцами, и зоной активной деятельности наркомафии. Численность наса в районе компактного проживания составляет около 170 тыс. В ходе вооруженного конфликта они подвергаются нападениям со стороны всех его участников. В последние годы XX века наса объединились в движение за права на землю и культурную автономию, одним из проявлений которого стало создание общинной охраны (*исп.* *guardia indígena* – индейская охрана),

представляющей собой скоординированную систему деревенских отрядов. Служба в них добровольная, руководство выборное. Охрана наса впервые громко заявила о себе в 2000 г. операцией по ликвидации лабораторий по производству кокаина в муниципалитете Хамбало. В дальнейшем она доказала свою эффективность в противостоянии не только наркомафии, но и партизанам и «парамилитарес». В частности, добровольцам не раз удавалось освобождать похищенных различными НВФ людей. В настоящее время общинная охрана наса продолжает играть роль важного стабилизирующего фактора в зоне своего присутствия, поддерживая публичный порядок и предотвращая преступную активность [22].

Вторая попытка опереться на общественные силы в борьбе с мятежными группировками и криминалом была предпринята правительством Колумбии в период президентства А. Урибе. В 2003 г. в стране был принят Национальный план развития до 2006 г. [18], положивший начало так называемой политике демократической безопасности. За ним последовали аналогичные планы на 2006-2010 и 2010-2014 гг. План 2003-2006 гг. предусматривал усиление участия граждан в борьбе с преступностью и незаконными вооруженными формированиями, в частности, подготовку не менее миллиона гражданских лиц, которые должны были сформировать «сеть сотрудничества» с армией и правоохранительными органами в городах и сельской местности.

При президенте А. Урибе был достигнут значительный прогресс в прекращении вооруженного конфликта. Правительство путём переговоров и силового давления добилось роспуска и разоружения основных группировок «парамилитарес», левым партизанским группировкам были нанесены существенные военные поражения. В результате был восстановлен контроль над значительными территориями, которые десятилетиями не контролировались колумбийским государством. Удалось разгромить и основные наркокартели. Между 2002 и 2008 гг. количество убийств снизилось на 44%, похищений – на 85%, число жертв массовых убийств – на 75% [7].

В то же время изменение военно-политической и криминологической ситуации в стране привело к возникновению новых угроз. Разрозненные осколки парамилитарных групп, лишившихся централизованного руководства и военного противника в лице партизан, превратились в питательную среду для организованной преступности, уже чисто уголовной, без какого-либо политического подтекста. Объединяясь с членами преступных сообществ, также утративших централизованную структуру, которая была им при-

суща в 90-е годы, они формируют банды, получившие в Колумбии наименование «новых криминальных банд», сокращённо «бакрим». Новым явлением стало участие в таких «бандах нового поколения» бывших партизан, а также включение ещё сохраняющих активность партизанских групп в деятельность по производству и транспортировке наркотиков, тогда как в предшествовавшие десятилетия они противопоставляли себя наркомафии и ограничивали выращивание коки в зонах своего контроля. Таким образом, можно сказать, что две крупнейшие проблемы, долгие годы стоявшие перед колумбийским обществом – вооружённый политический конфликт и разгул уголовной преступности – в настоящее время фактически сливаются в одну, при этом значение политической составляющей падает, а криминальной растёт.

Меняется при этом и государственная политика в сфере борьбы с преступностью, и основные направления сотрудничества государственной власти с гражданским обществом. Укрепившееся государство уже не нуждается в том, чтобы перекладывать на общины силовые функции. С решением таких задач, как контроль национальной территории, сдерживание и постепенная ликвидация незаконных вооружённых формирований, армия, полиция и спецслужбы справляются гораздо успешнее, чем 15-20 лет назад. В то же время государственные институты всё ещё неспособны обеспечить не только поддержание устойчивого правопорядка, но и просто своё присутствие во всех населённых пунктах страны. Поэтому значительная роль в обеспечении правопорядка, включая и борьбу с преступностью, принадлежит местным общинам.

Функция борьбы с преступностью на локальном уровне возложена на органы общинной юстиции. В Колумбии понятие «общинная юстиция» охватывает различные институты разрешения конфликтов и регулирования общественного поведения в соответствии с социальными нормами, предписываемыми общинами, действующие автономно от национальной системы юстиции [подробнее см.: 2].

Итак, в развитии политики союза с гражданским обществом в борьбе с преступностью, проводимой

в течение последних десятилетий правительствами Гватемалы, Колумбии и Перу, выделяются два этапа. В 80-е – 90-е гг. власти стремились получить от лояльных общественных структур прямую силовую поддержку в войне против антиправительственных партизанских движений. На современном этапе основным вектором общественно-государственного сотрудничества стало стимулирование развития общинной юстиции, которая берёт на себя поддержание социального мира и правопорядка на локальном уровне. Сравнительный анализ проводимых в трех странах политических мер и достигнутых результатов позволяет сформулировать некоторые выводы.

В условиях слабости государственных институтов, чтобы общество не было разрушено валом преступности, критически важной оказывается способность социума к самоорганизации. Наиболее благоприятными видятся перспективы тех обществ, которые представляют собой не простую совокупность атомизированных индивидов, а тем или иным образом структурированную систему. Оптимальной единицей, претендующей на роль структурного элемента такой системы является община. Об этом свидетельствует не только устойчивое сохранение общин в современном мире, но и тенденция к их возрождению и самовоспроизводству в критических условиях даже там, где они, казалось бы, остались в прошлом.

Для государства, сталкивающегося с катастрофическим ростом преступности, опора на институты гражданского общества является оптимальной, а в ряде случаев и единственно спасительной стратегией. Она обеспечивает не мнимую, а подлинную реализацию принципа демократизма уголовно-правовой политики, на важность которого указывают ведущие ученые-криминологи [3].

Различные народные формирования самообороны и охраны порядка оказываются эффективными в борьбе с преступностью в тех случаях, когда они создаются действительно добровольно, по инициативе самого населения, а не формируются под давлением властей. Об этом свидетельствует, в частности, негативный опыт Гватемалы.

Библиография:

1. Комитет против пыток: рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции. Колумбия. [Электронный ресурс] – URL – <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/rendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=49ae4f8e2>
2. Костогрызов П. И. Общинная юстиция в Колумбии. // Правовая система России: история и современность: материалы VI межвузовской (международной) научно-практической конференции. М., 2013. С. 89-93.
3. Милоков С. Ф. О лжедемократизме российской уголовно-правовой политики. // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 274-282.
4. Ardila E. Justicia comunitaria y sociedad nacional. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.justgovernance-group.org/es/documentos_del_group/justicia/justicia_1.pdf.

5. Ball, P.; Kobraк, P.; Spierer, H. *Violencia institucional en Guatemala, 1960 a 1996: Una reflexión cuantitativa*. Washington, 1999.
6. Bazán Seminario, C. *Estado plural de derecho. Bases para una redefinición del concepto Estado de derecho a la luz de la pluralidad jurídica*. Lima, 2012.
7. Colombia. Ministerio de Defensa Nacional. (2009, enero). *Logros de la Política de Consolidación de la Seguridad Democrática*. Bogotá. 2009.
8. Constitución Política del Perú de 1993. [Электронный ресурс] – URL – <http://www2.congreso.gob.pe/sicr/RelatAgenda/constitucion.nsf/constitucion>
9. Corte Constitucional de Colombia. Sentencia C-572/97. [Электронный ресурс] – URL – <http://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/1997/C-572-97.htm>
10. *Crime and Development in Central America*. United Nations Office on Drugs and Crime. 2007.
11. DECRETO 356 DE 1994. [Электронный ресурс] – URL – <http://www.alcaldiabogota.gov.co/sisjur/normas/Normal.jsp?i=1341>
12. Entrevista del Presidente con ‘La W’ [Электронный ресурс] – URL – http://www.presidencia.gov.co/prensa_new/sne/2006/diciembre/04/09042006.htm
13. Gonzáles Serna, A. C. y otros. Estado del arte sobre administración de justicia, justicia pública y privada, y guerra y justicia. *Opinión jurídica*, vol. 6, número 11.
14. *Guerra sin cuartel. Colombia y el derecho internacional humanitario*. (New York: Human Rights Watch, 1998) [Электронный ресурс] – URL – http://www.hrw.org/legacy/spanish/informes/1998/guerra3C.html#P961_240845
15. Huamani, G.; Moscoso, M.; Urteaga, P. Rondas campesinas de Cajamarca: la construcción de una alternativa. *Debate Agrario*. Jul-Set 1988. (no.3) p. 63-86.
16. Intentional homicide count and rate per 100,000 population, by country/territory (2000-2012). // United Nations Office on Drugs and Crime.
17. Korsbaek L. Los tipos de rondas campesinas en el Perú: tema con variaciones. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pacarinadelsur.com/home/indoamerica/158-los-tipos-de-rondas-campesinas-en-el-peru-tema-con-variaciones>
18. Ley 812 de 2003. // Diario Oficial 45.231/ 27.06.2003.
19. Piccoli, E. El pluralismo jurídico y político en Perú: el caso de las Rondas Campesinas de Cajamarca. *Íconos. Revista de Ciencias Sociales*. 2008, Issue 31, p. 27-41.
20. Piccoli, E. Las rondas campesinas y su reconocimiento estatal, dificultades y contradicciones de un encuentro: un enfoque antropológico sobre el caso de cajamarca; Perú. *Nueva Antropología: Revista de Ciencias Sociales*. jul-dic2009, Vol. 22 Issue 71, p. 93-113.
21. Plan Nacional de Desarrollo 2006-2010. T. 1. Estado Comunitario: desarrollo para todos. Departamento Nacional de Planeación, 2007.
22. Sandoval Forero, E. A. *La Guardia Indígena Nasa y el Arte de la Resistencia Pacífica*. Bogotá. 2008.
23. *Semana*, Bogotá.
24. Sixth United Nations Survey of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems, covering the period 1995 – 1997. // United Nations crime reduction and analysis branch, office for drug control and crime prevention.
25. Tercer informe sobre la situación de los derechos humanos en Colombia. // Comisión Interamericana de Derechos Humanos. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cidh.oas.org/countryrep/colom99sp/capitulo-1.htm#%2813%29>
26. *El Tiempo*, Bogotá.
27. Yrigoyen Fajardo, R. Rondas Campesinas y desafíos del pluralismo legal en el Perú. Pp.17-32 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.jus.unitn.it/cardoza/Review/2008/Fajardo.pdf>

References (transliterated):

1. Kostogryzov P. I. *Obshchinnaya yustitsiya v Kolumbii*. // *Pravovaya sistema Rossii: istoriya i sovremennost'*: materialy VI mezhdunarodnoi (mezhdunarodnoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii. M., 2013. S. 89-93.
2. Milyukov S. F. O lzhedemokratizme rossiiskoi ugovovno-pravovoi politiki. // *Yuridicheskaya tekhnika*. 2014. № 8. S. 274-282.
3. Ardila E. Justicia comunitaria y sociedad nacional. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: http://www.justgovernancegroup.org/es/documentos_del_group/justicia/justicia_1.pdf.
4. Ball, P.; Kobraк, P.; Spierer, H. *Violencia institucional en Guatemala, 1960 a 1996: Una reflexión cuantitativa*. Washington, 1999.
5. Bazán Seminario, C. *Estado plural de derecho. Bases para una redefinición del concepto Estado de derecho a la luz de la pluralidad jurídica*. Lima, 2012.
6. Gonzáles Serna, A. C. y otros. Estado del arte sobre administración de justicia, justicia pública y privada, y guerra y justicia. *Opinión jurídica*, vol. 6, número 11.
7. Huamani, G.; Moscoso, M.; Urteaga, P. Rondas campesinas de Cajamarca: la construcción de una alternativa. *Debate Agrario*. Jul-Set 1988. (no.3) p. 63-86.
8. Korsbaek L. Los tipos de rondas campesinas en el Perú: tema con variaciones. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.pacarinadelsur.com/home/indoamerica/158-los-tipos-de-rondas-campesinas-en-el-peru-tema-con-variaciones>
9. Ley 812 de 2003. // Diario Oficial 45.231/ 27.06.2003.
10. Piccoli, E. El pluralismo jurídico y político en Perú: el caso de las Rondas Campesinas de Cajamarca. *Íconos. Revista de Ciencias Sociales*. 2008, Issue 31, p. 27-41.

11. Piccoli, E. Las rondas campesinas y su reconocimiento estatal, dificultades y contradicciones de un encuentro: un enfoque antropológico sobre el caso de cajamarca; Perú. Nueva Antropología: Revista de Ciencias Sociales. jul-dic2009, Vol. 22 Issue 71, p. 93-113.
12. Sandoval Forero, E. A. La Guardia Indígena Nasa y el Arte de la Resistencia Pacífica. Bogotá. 2008.
13. Yrigoyen Fajardo, R. Rondas Campesinas y desafíos del pluralismo legal en el Perú. Pp.17-32 [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.jus.unitn.it/cardoza/Review/2008/Fajardo.pdf>